

Малышам о хорошем (Махаон)

Станислав Романовский
Гусиный остров (сборник)

«Азбука-Аттикус»

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

Романовский С. Т.

Гусиный остров (сборник) / С. Т. Романовский — «Азбука-Аттикус»,
— (Малышам о хорошем (Махаон))

Станислав Тимофеевич Романовский с огромной любовью и нежностью писал потрясающие произведения о неповторимой, бесконечно разнообразной русской природе, о животных и птицах – ничто не ускользало от его чуткого и внимательного взгляда. В книгу вошли рассказы, герои которых обыкновенные деревенские ребята, любящие и бережно относящиеся к своей природе, к этому удивительному миру, полному тайн и загадок. В формате pdf A4 сохранен издательский дизайн.

УДК 821.161.1-32-93
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Романовский С. Т.
© Азбука-Аттикус

Содержание

Лесные рассказы	8
Приключение	8
Чугунная Голова	9
Угорел	11
Медведь и бабочка	13
Плохая примета	14
Проводы	16
Шапка	18
Ягнёнок	22
Мама уехала за озеро	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Станислав Романовский Гусиный остров (сборник)

© Романовский С. Т., наследники, 2013

© Бастрыкин В. В., иллюстрации, 2013

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013
Machaon®

* * *

Лесные рассказы

Приключение

Пошёл дедушка Андрей Михеевич в лес и у лесной речки встретил медвежонка. А медведицы нигде не видно. «Принесу я его в избу, маленько подрастёт – продам в город в зоопарк за большие деньги», – решил дедушка и сунул медвежонка в пестерь, в плетёный заплечный мешок, закрыл мхом, чтобы медведица, если она объявится, не учуяла, и – домой!

Медведица хватилась – дитяти нет, побежала по человеческому следу и догнала дедушку. Пахнет человеком, мхом, а медвежонком вроде и не пахнет. Всё равно не отстаёт от дедушки. На пути им попался жеребёнок. Медведица погналась было за жеребёнком: «Не он ли утащил детёныша?» Но не догнала – и опять за дедушкой.

Он – бежать по мостовинам, по брёвнышкам. Ими вымощена тропинка, чтобы люди не вязли в болотистом лесу.

Медведица подняла мостовину и запустила в дедушку. Ладно, он присел – перелёт. Она вторую мостовину – недолёт! Третью... Лес кончился, дедушка бежит посуху. До деревни бы успеть! До бугра, до самых домов, гнала его медведица тремя мостовинами, как колесом.

Дедушка добежал до старого склада, до веялки, и стал крутить за ручку. Трескоток пошёл, как из пулемёта. Медведица испугалась и ушла в лес. А медвежонка дедушка поселил у себя в избе и назвал Мишей.

Чугунная Голова

Первые дни Миша тосковал по матери и ел плохо. Со временем у него появился аппетит. Съест и носом в руки тычется, голос подаёт, добавки просит.

И ел всё, чем ни угостят. И хлебушко, и кашу, и картошку. Очистки даже ел. И с посудой играть любил.

Один раз чугун опростал и нахлобучил на голову. Чугун закрыл Мише глаза и с головы не слезает. Перепугался Миша, шум поднял.

Дедушка шёл с грибами из лесу, издалека почуял – неладно дома. Беда!

Миша лапами чугун с головы сдирает, а толку никакого нет.

– Миша, погоди-ка, я тебе помогу, – сказал дедушка и потянул чугун. А он не трогается, крепко засел.

Дедушка сильнее потянул – Миша заверещал дурным голосом, заколотил лапами и расцарапал хозяину руку.

– Ах ты, Голова ты Чугунная! Я к тебе с добром, а ты драться, – обиделся дедушка. – Живи как хочешь.

Миша визжал, кружился, устал и лапы кверху. Горевать сил нет. Дедушка связал ему лапы, взял зубило, молоток, расколол чугун.

– Ну что, – говорит дедушка, – Чугунная Голова, будешь ещё с посудой баловаться?

А у Миши глаза другие – смирные: видно, что настрадался, дитя лесное.

Дедушка новый чугун купил – побольше первого, чтобы таких приключений не было. А старый обколотил повыше донышка – и вот она, поилка для кур. Миша выйдет во двор, увидит её и рычит.

Издалека рычит, близко не подходит.

Угорел

Живёт медвежье дитя в избе, спит у печки под лавкой. Живёт, растёт, соображает, что к чему.

Соображение идёт где быстро, а где и туго.

Петуха боится. Непонятный он какой-то: маленький, а кричит громко и ни с того ни с сего. Как запоёт петух – Миша бегом в избу.

С дедушкиными валенками настороже. То играть с ними начнёт, то заскучает. Понять, видно, не может: как же так, ходили-ходили на ногах, а тут и ходить разучились.

А корову Миша уважает. Тёплая, большая, больше медведицы, и молоком от неё пахнет.

Заглянет он к ней в стойло и тихонько заскулит. Корова смотрит на него добрыми глазами, жуёт и будто всё понимает.

Миша успокоится, притихнет, и хорошо ему.

Дедушка говорит, что медвежонок при корове мать вспоминает.

И ещё Миша печку любил. Прижмётся к ней, зажмурится, иной раз скажет ей что-то на своём языке и не обидится, что она молчит, не отвечает.

В заморозки пропал медвежонок. Искали его по всей деревне, и всё без толку.

Дома дедушка повёл носом и говорит жене:

– Палёным пахнет.

– Паленина-то где может быть? – рассуждает жена. – Из печи всё тепло выдуло...

– Иной раз уголька хватает. Лампу неси, – распорядился дедушка.

Посветили в печи, и оттуда вылез Миша. На себя непохожий: в золе, шерсть опалённая. Ладно, что живой!

Не пройти Мише по ровному полу, даром что четыре ноги. Не держат они его, угорел.

Дедушка вынес его на крыльцо, на свежий воздух. Молоком отпаивал, как ребёнка.

Поправился медвежонок и всё около дедушки держался. Ласкался к нему, на колени залезал.

А печь не разлюбил. Спать ложился около неё, как и прежде. Только внутрь, где самый жар, больше не прятался.

Медведь и бабочка

Прилетела в комнату бабочка, яркая, как огонь.

Миша с валенком играл, увидел её и замер.

А бабочка летит и будто на лету слабеет – то поднимется, то снизится.

Миша головой за ней водит.

И вдруг села бабочка на валенок перед носом медвежонка. Он от радости зарычал.

Бабочка не испугалась, посидела и, как все бабочки, на свет полетела, к окну. Миша сорвался с места и – за ней.

До окна не достать ему – высоко.

Медвежонок скребётся о стенку, к подоконнику тянется: давай поиграем, бабочка.

А бабочка о стекло бьётся. Жалко мне её стало. Открыл я окно – ветхое оно, чуть раму не высадил, а всё-таки открыл.

Лети, бабочка!

Она улетела, откуда сила взялась.

Миша погоревал, но недолго. Валенки увидел и давай с ними бороться.

Сначала валенок Мишу поборол, а потом Миша валенок. Поборол, залез на него победителем и вспомнил про бабочку.

Не летает ли кто по избе?

Нет, никто не летает. Один я в избе. Не летаю, а в уголке сижу, на Мишу смотрю.

Поглядел медвежонок – нету бабочки.

И опять давай играть с валенком.

Плохая примета

Дедушка бороду подправлял – в зеркало заглядывал, ножницами щёлкал. Миша на полу возился, половик тербил. А ребяташки – внук Василий, гости Костя и Люда – на него смотрели.

Дедушка справился с бородой и вместе с бабушкой пошёл в гости.

А день был – загляденье! Куда ни глянь – солнышко. Играет оно в дедушкином зеркале.

Внук Василий поставил зеркало на пол перед медвежонком и говорит:

– Миша, поздоровайся: товарищ к тебе пришёл.

А Миша – ноль внимания.

Тогда Василий к самому его носу приставил зеркало, и Миша увидел товарища – своё отражение.

Сперва испугался, попятился. И товарищ попятился. Убежит он – скучно будет. Знакомиться надо. Миша пошёл знакомиться. И товарищ навстречу. Встали носом к носу и ноздрями шевелят.

Товарищ как товарищ. Чем он только не пахнет – стеклом, деревом, деревянной подставкой, дедушкой! А медведем не пахнет. Что это за товарищ?

Миша обнюхал зеркало и с этой, и с той стороны. А там вообще ничего нет. И товарищ куда-то пропал... Вот тебе раз!

Не понял ничего Миша, не его это медвежьего ума дело, и опять за половик. А тут опять товарищ появился. Что это творится-то?

Полез Миша на товарища. Зеркало упало и разбилось. Старое оно было, в трещинах.

А Василий заплакал.

Пришли дедушка с бабушкой, из гостей вернулись. Дедушка увидел, что Василий плачет, и ругать его не стал. А бабушка поругала и говорит:

– Плохая примета – зеркало разбилось. Что-нибудь да случится.

Проходит день, неделя, ничего не случается. Как-то прибегает Василий весёлый и говорит:

– Дедушка, примета-то сбылась: я ноги промочил!

– Какая это примета! – отвечает дедушка. – Две недели прошло. Это не примета, а ты сам. Разувайся, надевай мои носки, полезай на печь. Ишь, ботинки-то как чавкают!

Проводы

– Мишу в зоопарк вези, – говорила жена. – Денег за него дадут. Вырастет – куда его? Сейчас-то с ним хлопотно...

– Хлопотно, – соглашался дедушка. – Корова среди ночи замычит. Куры замечутся. И Миша беспокойный стал. Медведица приходит. Мать она. Я его за так отпущу.

– И не думай! – сердилась жена. – Ты зачем его в избу-то привёл? Ты мне как тогда сказал: «Хочу за него деньги получить».

Дедушка проводил жену в гости, в соседнюю деревню. А сам задумал отпустить Мишу в лес, а как жена вернётся, сказать ей, что отвёз его в город и продал в зоопарк, да мало заплатили.

Ночью зашумело всё, заходило во дворе.

Дедушка кинулся к окну, а оттуда большой медведь в упор смотрит. Тьфу! Чего только спросонок не почудится! Не медведь это, а дедушкино отражение в окне, как в тёмном зеркале.

А всё равно люди говорили: была медведица!

На другой день дедушка отнёс Мишу на лесную речку.

Поиграл с ним, хлебушком угостил, погладил на прощание... Миша прислушивается к лесу, к речке, а от хозяина не отходит. Дедушка дал ему чурбачок – играй, забавляйся. Заигрался медвежонок, забылся, где он. Дедушка отошёл от него и быстрым шагом до дому.

* * *

Через год я опять попал в эти места.

– Скучал я без него, без постояльца-то! – рассказывает Андрей Михеевич. – Старуха приехала из гостей: «Где Мишутка?» – «В город ездил, говорю, продал в зоопарк». – «Сколько дали?» – «Да разве в деньгах дело? – говорю. – Пенсию мы с тобой получаем. Нам хватает. А Мишутку жалко...» Она даже всплакнула: «Жалко его, глупого». И больше про деньги не заикалась.

А Мишу после тех проводин я не встречал. Нашёл ли он мать или стал жить самостоятельно, свою жизнь налаживать – не знаю, не скажу.

А может, его в зоопарк было лучше отдать? Там бы тоже ему было не худо. И питание, и уход. Но больно мне охота, чтобы он с матерью-то увиделся!

Шапка

Алёша был совсем маленький, когда пришла зима.

Долго она не раздумывала, а сразу высыпала на землю весь снег, который припасла на месяц вперёд.

Алёша надел шубу, шапку, валенки, вышел на крыльцо и зажмурился. Такой белизны он прежде не видел. Хоть не смотри на неё, а беги обратно домой и сиди в тёплой горнице, где тоже светло, да не так.

Мало-помалу глаза привыкли к белому дню, и, проваливаясь в снегу, мальчуган прошёл со двора на лесную поляну.

Вокруг собрались белые деревья и ветви опустили – попробуй удержи на весу столько снега.

Таких красивых деревьев Алёша прежде не видел.

Он подумал:

«На ту ли поляну я попал?»

Одумался:

«На ту – на какую ещё? Вон наш дом с трубой и дымом. Другой поляны около нашего дома нету».

Алёша снял варежки, потрогал снег – пушистую спинку.

– Я из тебя сейчас снежок слеплю! – пообещал Алёша и недалеко от себя увидел шапку.

Лежит на белом снегу красная шапка.

Круглая, тёплая. Хорошая шапка!

Чья она? Не его, не Алёшина. У Алёши шапка заячья, серая. И у отца серая. А эта – красная.

На всякий случай у себя на голове Алёша потрогал шапку. Тут ли она?

Тут.

А на снегу всё-таки чья шапка-то? Видать, прохожего человека. Забрёл он сюда, засмотрелся на деревья, запрокинул голову, не заметил, как шапка упала, и пошёл дальше. Ничего, вернётся!

Или по-другому было?

Испугал прохожего человека лесной зверь – волк или медведь. Побежал от лесного зверя прохожий человек, шапку потерял и не помнит где. Да нет – вспомнит, придёт на кордон и спросит:

«Не находили мою шапку, люди добрые? Не подобрали? Где-то тут уронил. А где – не соображу».

«Находили, – скажет Алёша. – Красная шапка-то?»

«Конечно, красная! – обрадуется прохожий человек, и Алёша отдаст ему шапку. – Вот спасибо-то!»

«Ничего, не стоит».

Только находку надо домой нести, пока снегом не занесло.

Подошёл мальчуган к шапке.

А она ка-а-а-ак ворохнётся, плеснёт в лицо колючим снегом, взметнётся красным вихрем и на махах ушла в чащу.

Только её и видели.

Кто же это был-то, а?

Лиса! Кто же ещё? Свернулась клубком посреди поляны, нос в мех спрятала. Алёшу близко подпустила. Чего его бояться-то: маленький он. Был бы большой – не стала бы лиса на виду по полянам разлёживаться.

А где же варежки?

Обернулся Алёша.

Сидят на снегу два красных снегиря – две варежки. Подойди к ним – упорхнут, и ни за что не поймашь.

Вот тогда достанется Алёше от матери. Сколько она всяких грустных слов скажет:

«Я в городе красных ниток достала. Тебе первому варежки связала. С узорчиками. Думала, износу не будет. А ты надеть не успел и упустил. Как же так – снял и бросил! Это додуматься надо!»

Подкрался Алёша к красным птицам. Одну схватил. Вторую. Не улетели они, а дались в руки. И не птицы это, а Алёшины варежки. Только нахолодали, пока он за лисой ходил.

Пришёл Алёша домой.

– Что мало гулял, сынок? – спросил отец.

А мать заахала и заохала:

– Я только-только полы вымыла, выскребла, а ты снегу в квартиру натащил! Иди в сени, отряхнись как следует.

В сенях Алёша отряхнулся от снега, в прихожей с помощью матери разделся и рассказал родителям про красную шапку – про лису.

– Эх, ноженьки мои скорые! – вскричал отец, накинул полушубок, снял со стены ружьё. – Сейчас мы её, голубушку.

И выбежал на волю.

Но скоро вернулся и сказал:

– Нашёл я то место, где красная шапка лежала... А по следу... по следу не пошёл...

– Это почему? – спросила мать.

Отец повесил ружьё на стену, снял полушубок и весело вздохнул:

– Не лиса это была! У лисы следы цепочкой, как бусины на ниточке... А эти следы разбросаны. Собака это была! С соседнего кордона. Она бежит по лесу, то ли красная, то ли рыжая. И не один ты, Алёша, принимал её за лису.

Алёша подумал и сказал:

– Есть хочу...

– Правильно! – одобрил отец. – Мать, когда мужичков обедом кормить будешь?

Мать взглянула на Алёшу, улыбнулась неприметно и спросила у отца:

– А если лиса?..

Посмотрела на окна: светло, самое столование. И пошла к печи – собирать на стол.

Ягнёнок

Ягнёнок был белый, как первый снег. Его купила мама на базаре. И на руках несла, и на верёвочке вела на кордон, где домовничал Алёша.

До кордона ягнёнок еле дошёл – устал и лёг на дворе, на травку.

Алёша подошёл к ягнёнку, опустился перед ним на колени и удивился:

– Какой ты маленький!

Рукой послушал сердце у ягнёнка, не расслышал и понял почему: оно стучало очень часто, и стук его был сплошным, как гудочек.

– А шерсть какая мягкая! – сказал Алёша.

– Шёлк! – подтвердила мать.

И вместе с сыном она гладила ягнёнка по белой-белой, во влажных завитках шерсти.

Алёша радовался:

– Хороший ягнёнок.

– Я его насилу до дому довела, – говорила мать.

– Упирался?

– Уморился. – И с улыбкой прибавила: – Я его и, как малого ребёнка, на руках несла. Земляков встретила. Они спрашивают: «Мальчик или девочка?» Я говорю: «Да нет, ягнёнка с базара несу». Одна старушка плохо видит и глуховатая. Она спрашивает: «Сам-то идти он не хочет?» – «Нет». – «Нынче, – говорит старушка, – дети избалованные пошли».

Ягнёнок полежал, встал на ноги, нетвёрдые, как стебельки, покачался на них и нацелился лбом на Алёшу.

– Чего это он? – насторожился мальчуган.

– Бодаться хочет.

– Да у него рогов#то нет! Не выросли они у него. Нечем ему бодаться.

Алёша потрогал голову ягнёнка. На ней под шерстью угадывались два мягких бугорка – начатки будущих рогов. Ягненок замотал головой и ткнул Алёшу в бок, да так, будто приласкался.

– Мама, – сказал Алёша, – он не бодается, а играет!

Мальчуган встал на четвереньки и выставил голову навстречу ягнёнку: давай, мол, вместе играть-воевать.

«Давай!» – всем своим видом сказал ягненок и принялся наскакивать на лохматую Алёшину голову. Наскочит, отпрянет и задние ноги вскинет. Весело ему!

– Больно? – спрашивает мама.

– Не-е-е-ет!

– Это ты нестриженный. Шапка волос на тебе. Вот и не больно. Стричься-то будешь?

– Буду, конечно.

– Когда?

Ягненок долго прыгал около Алёши, по-видимому принимая его за такого же, как он, ягнёнка. А потом досыта насосался тёплого молока из бутылки с соской, что принесла ему Алёшина мать, и уснул на дворе.

Мать на руках отнесла его в хлевушок, положила на сено, где он спал до утра, пока не взошло солнце.

Мать пошла по делам в деревню Пospelово, а Алёше наказала:

– Во дворе ягнёнка паси.

– Во дворе трава плохая...

– Во дворе тебя никто не тронет.

Алёша поиграл с ягнёнком во дворе, на истоптанной гусиной травке, а потом вывел его на поляну. Тут и трава выше и слаще, и ягоды попадаются, и дышать вольнее. Поляна просторная, вокруг корабельные сосны – высокие золотистые стволы и зелёные разговорчивые ветви.

Хорошо здесь!

– Что, ягненок? – спросил Алёша. – Ягоды ты ешь или нет? Пробовал ли ты их или не пробовал?

Он набрал полную горсть неспелой земляники, красной с одного боку, белой с другого, и протянул угощение ягнёнку. Тот ягоды съел – прибрал все до одной, полизал Алёшину ладонь.

И опять принялся бодаться понарошку.

Алёше стало скучно.

– Я же человек, – сказал он ягнёнку. – Я книги читать умею. Не хочу я всё время бодаться.

Он сбегал на кордон за книгой, лёг спиной на траву, открыл книгу, но долго читать не смог – солнце помешало, било в лицо.

Алёша полежал с закрытыми глазами, вспомнил про ягнёнка, поднялся, огляделся и вскрикнул.

Большая серая собака, хвост поленом, зубами зацепила ягнёнка за ноги, перебросила через спину, как человек ношу, и понесла в лес.

В первый миг Алёше подумалось: не играет ли собака с ягнёнком? Но по хвосту поленом, по особой вкрадчивости движений мальчуган понял, что это не собака, а волк, которого он и прежде видал в лесу...

– Мама! – что было сил закричал Алёша. – Мама-а-а-а!

Размахивая книгой, отчего листы её бились и громко хлопали в руке, как живые, Алёша бежал за волком и, всхлипывая, кричал:

– Отдай ягнёнка! Отда-а-а-ай!

Волк задел ягнёнком за сосну, выронил его, а сам скрылся в лесу.

Ягнёнок встал, отряхнулся и побежал к Алёше.

Подбежал, подумал, что делать, и мордочкой принялся тыкаться в Алёшины колени.

Пальцами Алёша перебрал его всего: голову, шею, тело, ноги. Нигде ни кровинки. Даже шерсть не вырвана. Как была белой, в ровных завитках, так и осталась.

– Ягнёнок, – говорил Алёша товарищу, – видно, ты волку на клыки не попал, вот и целый! Или волк старый был, обеззубел совсем! Кусаться ему нечем, волку-то! Судьба твоя такая, ягнёнок...

Так Алёша разговаривал с ягнёнком, а корабельные сосны, что обступили поляну, молча слушали его.

А по небу плыли белые облака-барашки.

Мама уехала за озеро

Алёша жил с отцом-лесником и матерью-лесничихой в избе на берегу Большого озера. По эту сторону озера был лес, по ту – луга, где отец косил траву для коровы Добрыни. Сегодня утром мать засобиравлась к отцу на сенокос, а сыну наказала:

– Ты, Алёша, домовничай.

– Не хочу, – заплакал Алёша. – Чего мне одному домовничать? Возьми меня с собой!

– Ох ты какой! – огорчилась мать. – Шагу без тебя не ступи...

Она вытерла Алёшины слёзы и успокоила его:

– В обед ты к нам приедешь на новой лодке и квасу привезёшь. Идём, покажу, где он.

Они вышли из избы. Озеро дышало туманом, и кувшинки на воде спали: их цветы были закрыты.

Корчага с квасом стояла под берегом, по горло в роднике, и от неё вкусно пахло ржаным хлебом.

– Пахнет больно хорошо! – обрадовался Алёша и насупился: – Чего ты меня с собой не берёшь?

– Тебя комары заедят...

– Я вам мешать не буду!

Мать поцеловала его в глаза, чтобы из них ни одной слезинки не выпало, и спросила:

– Сынок, ты без нас и часу быть не можешь! А как ты в школу пойдёшь? Там целый день без родителей.

Алёша сказал тише тихого:

– Потерплю.

У берега в мелкой воде стояли две лодки – старая и новая. Мать сложила в старую лодку косу для косьбы, узелок с едой, башмаки, босая зашла в воду и за цепь вывела лодку на глубокое место. Там она села на вёсла, и Алёша с замиранием смотрел, как всё у неё ладно получается, как она ровно гребёт обоими вёслами и улыбается Алёше.

Мать уменьшалась на глазах. И Алёша подался к воде, чтобы мать осталась такой же, какой была, но мама уменьшалась всё равно, а мамина лодка заплыла за камыши, и её не стало видно. Теперь жди до обеда.

Алёша пошёл проводить корчагу с квасом, не случилось ли с ней что. Корчага была на месте, и от неё ещё сильнее пахло ржаным хлебом. Алёша принёс из избы ломоть хлеба, съел его около корчаги – так спокойнее и вкуснее – и пошёл навестить корову Добрыню.

Добрыня подбирала траву на поляне. Он подошёл к ней совсем близко. Будто из печи дохнуло на Алёшу – это Добрыня обдала его шумным парным дыханием и опять принялась за траву.

«Тебе хорошо, – подумал Алёша, – ты жуёшь с утра до ночи. И ночью жуёшь во сне. А я так не могу: у меня мама уехала за озеро».

В обед Алёша вытащил из родника корчагу с квасом. Она была ледяная, дотронуться боязно. А мальчуган не испугался, прижал мокрую посудину к себе и, хотя ему жгло живот и руки холодом, перенёс её в лодку, поставил на корму и огляделся.

Цветы кувшинок открылись, и озеро от них стало золотым – плыви да радуйся.

Алёша разулся, зашёл в озеро, взялся за цепь и потянул лодку с мелкой воды на глубокую, где можно грести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.